

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

«ЯЗЫК ВРАЖДЫ» КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА И КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН (теоретическое обоснование перспектив исследования)¹

Е.Н. Василенко

Ключевые слова: «язык вражды», враждебность, вербализация враждебности.

Keywords: hate speech, hostility, verbalization of hostility.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-11

Изучение «языка вражды» в мировой гуманитаристике началось в середине XX века одновременно в разных отраслях науки. Так, в своей революционной книге 1954 года «Природа предубеждения» американский психолог Г. Олпорт рассматривает антилокуцию, понимаемую автором как вербальное отвержение и по сути являющуюся тождественной современному понятию «язык вражды», как первый шаг к физическому насилию, вплоть до истребления дискриминируемой группы [Allport, 1966, p. 14–15].

Наиболее широкое освещение в научных исследованиях феномен *hate speech* получил в последние два десятилетия: в настоящее время к исследованию «языка вражды» обращаются политологи, правоведы, лингвисты, культурологи и другие представители гуманитарных наук по всему миру. Очевидно, что сложность самого явления обуславливает необходимость комплексного междисциплинарного подхода к его изучению.

Например, в работе венгерского лингвиста Д. Боромиса-Хабашхи [Boromisza-Habashi, 2013] *hate speech* рассматривается через призму

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г19М–127.

культурного подхода, а в исследовании американского правоведа К.У. Сондерса [Saunders, 2011] прослеживается взаимосвязь между непристойностью и «языком вражды»: автор выстраивает правовую траекторию деградации, путь которой начинается с изображений порнографического характера и ведет к «языку вражды». На пагубные последствия использования «языка вражды» обращается внимание в исследованиях ученых всего мира (см. [Mazid, 2012], [Waldron, 2012], [Aguilera-Carnerero, Azeez, 2016], [Ramdev et al., 2016] и др.). Законодательные меры регулирования «языка вражды» в различных демократических государствах освещаются в трудах европейских и американских исследователей (см. [Gould, 2005], [Hare, Weinstein, 2011], [Janssen, 2015], [Assimakopoulos et al., 2017] и др.). Связь «языка вражды» с теорией речевых актов Дж.Л. Остина подчеркивается во многих лингвистических и правоведческих работах (см. [Haiman, 1993], [Lakoff, 2000], [Gelber, 2002] и др.).

В России закрепление «языка вражды» в качестве самостоятельного объекта научного исследования произошло в начале 2000-х годов, о чем свидетельствует появление кандидатских и докторских диссертационных исследований по социологии, истории, политологии, педагогике, журналистике и языкознанию (см. [Колосов, 2004], [Малькова, 2006], [Белякова, 2007], [Денисова, 2009], [Евстафьева, 2009], [Шур, 2010], [Исаева, 2011], [Суслова, 2012], [Хроменков, 2016] и др.). Отдельно стоит отметить исследования в России «языка вражды» как социального явления. В коллективных публикациях под редакцией А.М. Верховского [Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ, 2002], [Язык вражды против общества, 2007] и других исследователи рассматривают манифестацию враждебности в российских СМИ по признакам этнической, религиозной и другой социальной принадлежности.

Основной интерес для российских ученых представляет вербализация враждебности в отношении отдельных этнических групп населения, что, несомненно, обусловлено многонациональным составом населения России. Однако, как отмечает П.Н. Хроменков, в настоящее время наблюдается «расширение парадигмы толерантности в социально-гуманитарных исследованиях, ее распространение на самые разные сферы жизни общества и социальной коммуникации» [Хроменков, 2016, с. 67], что вызывает интерес к изучению «языка вражды» в различных сферах, например, в сфере гендерных отношений.

Анализ деятельности журналистов находится в фокусе внимания и белорусских исследователей. Например, в статье А.А. Кирдун и А.В. Андреевой на материале медиатекстов на русском и белорусском языках охарактеризованы основные стратегии и тактики, через которые в речи проявляется враждебность [Кирдун, Андреева, 2017]. В рамках кампании, направленной на повышение социальной ответственности белорусских журналистов, изучением текстов, содержащих «язык вражды», занимаются представители правозащитной инициативы «Журналисты за толерантность» [Инициативная группа, 2017].

Не вызывает сомнений, что на сегодняшний день «язык вражды» представляет собой серьезную проблему, что и обуславливает интерес к нему со стороны не только специалистов в области права и лингвистики, но и общества в целом. Дебаты о необходимости запрета форм «языка вражды» не угадают по всему миру: противники такого рода законов провозглашают приоритет свободы слова [Hare, Weinstein, 2011], а сторонники утверждают, что свобода слова – это свобода оскорблять [Padmanabhan, 2016, p. 3]. Однако несмотря на то, что во многих исследованиях данный феномен рассматривается именно с правовой точки зрения, очевидно, что «язык вражды» – это не только юридическое, но и повседневное понятие [Brown, 2017, p. 422].

Как и любой другой общественный феномен, «язык вражды», с одной стороны, имеет определенные предпосылки для возникновения и функционирования, а с другой – сам предопределяет развитие общества. Например, Дж.Б. Гулд отмечает, что сам факт начала регулирования «языка вражды» в ряде образовательных учреждений Америки в 1990-х годах свидетельствовал об определенных правовых, политических и социальных процессах в обществе [Gould, 2005, p. 2]. С. Госх пишет, что в Южной Азии дебаты о правовом регулировании «языка вражды» приобрели заметный характер в течение последних двух десятилетий с появлением правых движений, которые жестоко преследовали отдельные религиозные или этнические сообщества [Ghosh, 2016, p. 55]. Репарка египетского лингвиста Б.-Е.М. Мазиды о том, что некоторые группы населения (в исследовании их называют «мишенями»), подвергающиеся «языку вражды» из-за их сексуальной ориентации, не упоминаются в работе по очень серьезным культурным причинам [Mazid, 2012, p. 2], или замечание М. Падманабхана о запретах в Индии «неудобных» книг и фильмов с отсылкой к разжиганию розни [Padmanabhan, 2016, p. 5] лишь подтверждают важность борьбы с «языком вражды» в современном мире.

«Язык вражды» может быть направлен на совершенно разные группы населения, выделяемые «по признаку расы, происхождения, национальной или этнической принадлежности, возраста, инвалидности, языка, религии или убеждений, пола, гендера, гендерной идентичности, сексуальной ориентации и других личных характеристик или статуса» [Общеполитическая рекомендация, 2016, с. 5]. Приведенный список наглядно демонстрирует, что «язык вражды» всегда базируется на историческом стереотипе о более низком статусе той или иной группы [Lakoff, 2000, p. 101] и тем самым по сути представляет собой «акт, отсылающий к предыдущим актам и требующий повторения в будущем» (здесь и далее перевод наш. – Е.В.) [Butler, 1997, p. 20], «цитату, сила которой определяется ее предыдущим использованием, что делает эмоциональный эффект от языка вражды непрерывным» [Ramdev et al., 2016, p. Xli]. Дж. Уолдрон отмечает, что использование языка вражды не только способствует дискриминации и насилию, но и пробуждает реальные кошмары о том, каким было то или иное общество в прошлом. При этом язык вражды «представляет собой что-то вроде экологической угрозы социальному миру, своего рода медленно действующий яд, накапливающийся здесь и там, слово за словом, так что в конечном итоге даже добросердечным членам общества становится все труднее и менее естественно поддерживать общественное благо» [Waldron, 2012, p. 4].

Для представителей социальной группы, которая подвергается постоянным языковым атакам, использование «языка вражды» равносильно нападению [Saunders, 2011, p. 2], они более чувствительны к разного рода проявлениям враждебности, так как хранят коллективную память [Lakoff, 2000, p. 108]. В связи с этим, несмотря на то что «язык вражды» наносит вред и тому, кто его употребляет [Delgado, Stefancic, 2004, p. 18], представителям атакующей группы сложно оценить его последствия для группы угнетаемой.

Вред, причиняемый «языком вражды» обществу в целом, сложно преувеличить, однако Р. Дельгадо и Дж. Стефансис отмечают, что наиболее опасные последствия характерны для «языка вражды», направленного на одного конкретного человека (адресант может быть при этом индивидуальным или коллективным). В этом случае, помимо психологических и экономических, могут наблюдаться даже физические последствия, вплоть до самоубийства [Delgado, Stefancic, 2004, p. 13].

Из всего вышесказанного следует, что изучение «языка вражды» как социально опасного явления не случайно попадает в сферу

интересов правоождения. Связь между законодательством и речевой деятельностью человека заключается, в первую очередь, в том, что закон не является внешним фактором по отношению к речи, а сама речь не обладает привилегией демонстрации свободы: «закон и речь едины в тот самый момент, когда называют субъект субъектом и вводят его в общество, делая его видимым для других» [Ramdev et al., 2016, p. xl].

Позиция международного сообщества относительно вербализации или иной манифестации враждебности по отношению к представителям той или иной социальной группы подтверждается принятием международных соглашений, направленных на ограничение использования «языка вражды».

Право на свободу слова закреплено в статье 19 «Всеобщей декларации прав человека»: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» [Всеобщая декларация, URL]; и статье 19 «Международного пакта о гражданских и политических правах», принятого Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в 1966 году: «1. Каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений. 2. Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору» [Международный пакт, URL].

В части 3 той же статьи подчеркивается, что данное право имеет определенные ограничения для уважения прав и репутации других лиц, а также для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. В ст. 20 предусматривается, что «всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом» [Международный пакт, URL].

Европейское сообщество также приняло меры касательно «языка вражды». В 1997 году Комитет министров Совета Европы, отмечая возрождение расизма, ксенофобии и антисемитизма, но также признавая важность свободы выражения мнений, рекомендовал правительствам государств-членов принять меры по борьбе с «языком

вражды» [Recommendation, 1997]. На современном этапе, по словам профессора права А. Цесиса, введение уголовных законов, запрещающих публичное распространение дискриминационных высказываний, является общей тенденцией демократических государств по всему миру, а в число стран, которые приняли законы о наказании за распространение «языка вражды», входят Австралия, Австрия, Бельгия, Бразилия, Канада, Кипр, Дания, Англия, Франция, Германия, Индия, Израиль, Италия, Швеция, Швейцария, и другие страны [Tsesis, 2009, p. 521]. При этом, по утверждению Э.Х. Янссен, в европейских странах закон, как правило, требует менее строгой связи между речью и последующим поведением, чем американская доктрина [Janssen, 2015, p. 29]. Однако исследовательница отмечает, что различные международные и европейские правовые документы используют разные определения «языка вражды» и имеют различную нормативную силу в национальных правовых системах. Уже по этой причине международный и европейский закон о правах человека едва ли может рассматриваться в качестве последовательной и непротиворечивой основы для установления ограничений в использовании «языка вражды» [Janssen, 2015, p. 166].

Таким образом, одним из ключевых факторов, обуславливающих функционирование «языка вражды» в современном обществе, является недостаток юридических санкций за его использование, что связано не только с незакрепленностью термина в нормативных правовых документах большинства стран, но и с отсутствием его общепринятой дефиниции (подробнее см. [Василенко, 2019]) и единой классификации языковых фактов, попадающих под данное определение. Несомненно, представленный обзор публикаций, затрагивающих проблематику «языка вражды», не является исчерпывающим: их количество возрастает с каждым днем, что демонстрирует глобальность и значимость данного явления в современном мире, а значит и необходимость его всестороннего изучения. В целом можно выделить три основные проблемы, которые исследователи освещают в своих работах: причины возникновения и последствия использования «языка вражды» как социального феномена, правовой статус «языка вражды» в законодательстве на различных уровнях и отсутствие в современной гуманитарной науке единой дефиниции самого термина.

Литература

Белякова Е.А. Конструирование этнической идентичности в современной России: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2007.

Василенко Е.Н. «Язык вражды»: к определению термина // Романовские чтения – 13. Могилев, 2019.

Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 нояб. 1948 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

Денисова А.В. Дискурсивный аспект исследования лингвистической экспертизы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009.

Доронина С.В. Речевая агрессия как источник правонарушений // Филология и человек. 2016. № 2.

Евстафьева А.В. «Язык вражды» в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009.

Инициативная группа «Журналисты за толерантность» [Электронный ресурс]. URL: <https://j4t.by>

Исаева З.Ш. Категория толерантности и ее роль в научной и политической коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2011.

Кирдун А.А., Андреева А.В. Язык вражды в современной массовой коммуникации Беларуси // Вестн. Минск. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1. Филология. 2017. № 6 (91).

Колосов С.А. Конструирование социальной ненависти в дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004.

Малькова В.К. Этничность и толерантность в средствах массовой информации: опыт исследования современной российской прессы: автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 2006.

Международный пакт о гражданских и политических правах: принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 дек. 1966 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml

Общеполитическая рекомендация № 15 «О борьбе с языком ненависти»: принята Европейской комиссией по борьбе с расизмом и нетерпимостью 8 дек. 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/ecri-general-policy-recommendation-no-15-on-combating-hate-speech-russ/16808b5b07>

Сулова М.Н. Влияние политических условий на динамику ксенофобии в России и США: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2012.

Хроменков П.Н. Лингвопрагматика конфликта: исследование методом количественного контент-анализа: дис. ... док. филол. наук. М., 2016.

Чернышова Т.В. Судебная лингвистическая экспертиза: Аналитико-экспертная деятельность филолога-практика. Примерная программа профессиональной переподготовки педагогических работников общеобразовательных организаций // Филология и человек. 2015. № 2.

Шур А.М. Формирование толерантного коммуникативного поведения у будущих журналистов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2010.

Язык вражды против общества. М., 2007.

Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М., 2002.

Aguilera-Carnerero C., Azeez A.H. 'Islamonausea, not Islamophobia': the Many Faces of Cyber Hate Speech // Journal of Arab & Muslim media research. 2016. Vol. 9. No. 1.

Allport G.W. The Nature of Prejudice. Reading, Massachusetts, 1966.

Assimakopoulos S., Baider F.H., Millar S. Online Hate Speech in the European Union: a Discourse-analytic Perspective. Springer, 2017.

Boromisza-Habashi D. Speaking Hatefully: Culture, Communication, and Political Action in Hungary. Pennsylvania, 2013.

Brown A. What is Hate Speech? Part 1: The Myth of Hate // Law and Philosophy. 2017. № 36 (4).

- Butler J. *Excitable Speech: a Politics of the Performative*. New York, 1997.
- Delgado R., Stefancic J. *Understanding Words that Wound*. New York, 2004.
- Gelber K. *Speaking Back: the Free Speech vs Hate Speech Debate*. Amsterdam; Philadelphia, 2002.
- Ghosh S. *The Alchemy of Hate and Hurt // Sentiment, politics, censorship: the state of hurt*. New Delhi [etc.], 2016.
- Gould J.B. *Speak No Evil: the Triumph of Hate Speech Regulation*. Chicago; London, 2005.
- Haiman F.S. «Speech acts» and the First Amendment. Carbondale, 1993.
- Hare I., Weinstein J. (eds.) *Extreme Speech and Democracy*. Oxford [etc.], 2011.
- Janssen E.H. *Faith in Public Debate: on Freedom of Expression, Hate Speech and Religion in France and the Netherlands*. Cambridge, 2015.
- Lakoff R.T. *The Language War*. Berkeley [etc.], 2000.
- Mazid B.-E.M. *HateSpeak in Contemporary Arabic Discourse*. Newcastle upon Tyne, 2012.
- Padmanabhan M. *How Far Can You Go? // Sentiment, politics, censorship: the state of hurt*. New Delhi [etc.], 2016.
- Ramdev R., Nambiar S.D., Bhattacharya D. *Sentimental Sovereignities: Hurt and the Political Unconscious // Sentiment, politics, censorship: the state of hurt*. New Delhi [etc.], 2016.
- Recommendation no. R (97) 20 of the Committee of Ministers to member states on «hate speech»: adopted by the Committee of Ministers on 30 Oct. 1997. Strasbourg, 1997.
- Saunders K.W. *Degradation: What the History of Obscenity Tells Us about Hate Speech*. New York; London, 2011.
- Tsesis A. *Dignity and Speech: the Regulation of Hate Speech in a Democracy // Wake Forest law review*. 2009. Vol. 44.
- Waldron J. *The Harm in Hate Speech*. Cambridge, MA; London, 2012.

References

- Belyakova E.A. *Konstruirovaniye etnicheskoy identichnosti v sovremennoy Rossii* [The Construction of Ethnic Identity in Modern Russia]. Abstract of Sociol. Cand. Diss. Saratov, 2007.
- Vasilenko E.N. «*Yazyk vrazhdy*»: k opredeleniyu termina [«Hate speech»: To the Definition of the Term]. *Romanovskie chteniya – 13*. [Romanov readings – 13]. Mogilev, 2019.
- Universal Declaration of Human Rights*: adopted on November 10, 1948 by the United Nations General Assembly. (Russ. ed.: *Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka*: prinyata General'noy Assambleey OON 10 noyab. 1948 g. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml).
- Denisova A.V. *Diskursivnyy aspekt issledovaniya lingvisticheskoy ekspertizy* [The Discursive Aspect of the Study of Linguistic Expertise]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Krasnodar, 2009.
- Doronina S.V. *Rechevaya agressiya kak istochnik pravonarusheniy* [Verbal Aggression as a Source of Offences]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2016. No. 2.
- Evstaf'eva A.V. «*Yazyk vrazhdy*» v sredstvakh massovoy informatsii: lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie faktory funkcionirovaniya [«Hate Speech» in the Media: Linguistic and Extralinguistic Factors of Functioning]. Cand. of Philol. Diss. Tambov, 2009.
- Iniitsiativnaya gruppa «Zhurnalisty za tolerantnost'»* [Initiative group «Journalists for Tolerance»]. URL: <https://j4t.by>
- Isaeva Z.Sh. *Kategoriya tolerantnosti i ee rol' v nauchnoy i politicheskoy kommunikatsii* [The Category of Tolerance and Its Role in Scientific and Political Communication]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Sankt-Peterburg, 2011.
- Kirdun A.A., Andreeva A.V. *Yazyk vrazhdy v sovremennoy massovoy kommunikatsii Belarusi* [Hate Speech in the Mass Communication of Belarus]. *Vestnik Minskogo*

gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 1. Filologiya. [Minsk State Linguistic University Bulletin, Series 1. Philology]. 2017. No. 6 (91).

Kolosov S.A. *Konstruirovanie sotsial'noy nenavisti v diskurse* [Construction of Social Hatred in Discourse]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Tver', 2004.

Mal'kova V.K. *Einichnost' i tolerantnost' v sredstvakh massovoy informatsii: opyt issledovaniya sovremennoy rossiyskoy pressy* [Ethnicity and Tolerance in the Media: The Experience of Studying the Contemporary Russian Press]. Abstract of Hist. Doct. Diss. Moskva, 2006.

International Covenant on Civil and Political Rights: adopted on December 16, 1966 by the United Nations General Assembly. (Russ. ed.: *Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh*: prinyat General'noy Assambleey OON 16 dek. 1966 g. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml).

ECRI General Policy Recommendation No. 15 «On Combating Hate Speech»: adopted on December 8, 2015. (Russ. ed.: *Obshchepoliticheskaya rekomendatsiya № 15 «O bor'be s yazykom nenavisti»*: prinyata Evropeyskoy komissiey po bor'be s razizmom i neterpimost'yu 8 dek. 2015 g. URL: <https://rm.coe.int/ecri-general-policy-recommendation-no-15-on-combating-hate-speech-russ/16808b5b07>).

Suslova M.N. *Vliyaniye politicheskikh usloviy na dinamiku ksenofobii v Rossii i SShA* [The Influence of Political Conditions on the Dynamics of Xenophobia in Russia and the USA]. Abstract of Polit. Cand. Diss. Moskva, 2012.

Khromenkov P.N. *Lingvopragmatika konflikta: issledovanie metodom kolichestvennogo kontent-analiza* [Linguopragmatics of Conflict: A Study Using Quantitative Content Analysis]. Doct. of Philol. Diss. Moskva, 2016.

Chernyshova T.V. *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza: Analitiko-ekspertnaya deyatel'nost' filologa-praktika. Primernaya programma professional'noy perepodgotovki pedagogicheskikh rabotnikov obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy* [Forensic Linguistic Expertise: Analytical and expert activity of a philologist-practitioner. Sample programme for professional retraining of teachers of general education institutions]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2015. No. 2.

Shur A.M. *Formirovaniye tolerantnogo kommunikativnogo povedeniya u budushchikh zhurnalistov* [Formation of Tolerant Communicative Behavior among Future Journalists]. Abstract of Pedag. Cand. Diss. Saratov, 2010.

Yazyk vrazhdy protiv obshchestva [Hate Speech against Society]. Moskva, 2007.

Yazyk moy... Problema etnicheskoy i religioznoy neterpimosti v rossiyskikh SMI [My Language... The Problem of Ethnic and Religious Intolerance in the Russian Media]. Moskva, 2002.

Aguilera-Carnerero C., Azeez A.H. 'Islamonausea, not Islamophobia': the Many Faces of Cyber Hate Speech. *Journal of Arab & Muslim media research*. 2016. Vol. 9. No. 1.

Allport G.W. *The Nature of Prejudice*. Reading, Massachusetts, 1966.

Assimakopoulos S., Baider F.H., Millar S. *Online Hate Speech in the European Union: A discourse-analytic perspective*. Springer, 2017.

Boromisza-Habashi, D. *Speaking Hatefully: Culture, Communication, and Political Action in Hungary*. Pennsylvania, 2013.

Brown A. What is Hate Speech? Part 1: The Myth of Hate. *Law and Philosophy*, 2017. No. 36 (4).

Butler J. *Excitable Speech: A Politics of the Performative*. New York, 1997.

Delgado R., Stefancic J. *Understanding Words that Wound*. New York, 2004.

Gelber K. *Speaking Back: the Free Speech versus Hate Speech Debate*. Amsterdam; Philadelphia, 2002.

Ghosh S. The Alchemy of Hate and Hurt. *Sentiment, Politics, Censorship: The State of Hurt*. New Delhi [etc.], 2016.

Gould J.B. *Speak No Evil: The Triumph of Hate Speech Regulation*. Chicago; London, 2005.

- Haiman F.S. «*Speech Acts*» and the First Amendment. Carbondale, 1993.
- Hare I., Weinstein J. (eds.) *Extreme Speech and Democracy*. Oxford [etc.], 2011.
- Janssen E.H. *Faith in Public Debate: On Freedom of Expression, Hate Speech and Religion in France and the Netherlands*. Cambridge, 2015.
- Lakoff R.T. *The Language War*. Berkeley [etc.], 2000.
- Mazid B.-E.M. *HateSpeak in Contemporary Arabic Discourse*. Newcastle upon Tyne, 2012.
- Padmanabhan M. How Far Can You Go? *Sentiment, Politics, Censorship: The State of Hurt*. New Delhi [etc.], 2016.
- Ramdev R., Nambiar S.D., Bhattacharya D. Sentimental Sovereignities: Hurt and the Political Unconscious. *Sentiment, Politics, Censorship: The State of Hurt*. New Delhi [etc.], 2016.
- Recommendation no. R (97) 20 of the Committee of Ministers to member states on «hate speech»: adopted by the Committee of Ministers on 30 Oct. 1997. Strasbourg, 1997.
- Saunders K.W. *Degradation: What the History of Obscenity Tells Us about Hate Speech*. New York; London, 2011.
- Tsesis A. Dignity and Speech: the Regulation of Hate Speech in a Democracy. *Wake Forest Law Review*, 2009. Vol. 44.
- Waldron J. *The Harm in Hate Speech*. Cambridge, MA; London, 2012.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПЕЧАТНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ О ВАКАНСИИ

Н.В. Кожанова

Ключевые слова: этнокультурная специфика, объявления о вакансии, гибридное образование, информативная функция.

Keywords: ethno-cultural specificity, job advertisements, hybrid formation, informative function.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-12

Этнокультурные исследования занимают одно из ведущих мест в доминирующей научной парадигме лингвистического знания. Научные представления о сущности и особенностях влияния этнокультурных факторов на жизнь и деятельность людей раскрываются в работах Э.А. Бафамова, К.В. Бромлей, Л.М. Дробижевой, Б.А. Душкова, И.С. Кон, В.Г. Крысько, Б.Ф. Поршнева и др. [Вугман, 2003]. Число работ, авторы которых так или иначе обращаются к феномену этнокультурной специфики языковых знаков, свидетельствует о несомненной актуальности данной проблемы для научного сообщества. При этом в современном обществе нет ни одного аспекта речевой коммуникации, в котором не находил бы своей реализации тот или иной аспект этнокультурной специфики, что позволяет говорить о